

Содержание

От автора	7
Вступление. Беда непонимания	10
Глава 1. Америка в загадочном русском сознании ..	15
Про то, как случилось, что Америка занимает в нашем сознании неоправданно большое место и почему мы то и дело бросаемся в крайности: от жгучей ненависти до неодолимого желания дружить с этой страной.	
Глава 2. Русский характер: генезис	38
О том, откуда пришли славянские племена на Русскую равнину и каким образом особенности географии и климата влияли на становление русской натуры.	
Глава 3. Православный код: рабское сознание или духовная высота? ...	46
О том, что принесло Руси христианство и каков был вектор развития национального характера и культуры, заданный православием. А также о том, куда православный вектор вырулил в наши дни.	
Глава 4. С чего начиналась Америка	55
О первых колонистах, какое наследство они оставили потомкам, сделавшим Америку Америкой, а американцев — американцами.	
Глава 5. Неодолимый ход истории.	60
О том, как продвигалась Америка от капитализма бандитского к капитализму цивилизованному и как это движение меняло страну, меняло отношения и характер людей. А также о том, почему нам об этом непременно следует знать.	
Глава 6. Ценности земные и небесные	69
О том, почему капитализм с таким трудом приживается в России, а также о том, почему наше подсознание борется с ценностями, которые диктует рынок.	

- Глава 7. Неразумное дитя Россия. 78**
О наследстве Византии: к чему привели Русь идеи сакральности власти и социальной покорности, почему россияне с готовностью меняют гражданские права и личные свободы на государственный патернализм. А также о том, как отразилось на сознании и жизни людей в России и странах Запада отличие восточного христианства от христианства западного.
- Глава 8. Земля свободных, земля отважных 90**
О том, почему основатели американского государства боролись с... государством и как получилось, что гражданские права и свободы заняли первые ряды в пантеоне американских ценностей.
- Глава 9. Время большого позора 98**
О маккартизме. О том, как случилось, что американцы отдали на растерзание столь лелеемые ими права и свободы и какую роль в этом сыграла Москва. А также о том, чем маккартизм отличен от сталинизма.
- Глава 10. Разум нерассуждающий 107**
О том, как и почему наследие Византии породило отторжение инакомыслия массовым сознанием в России.
- Глава 11. «Американская мечта». 116**
О том, что есть «американская мечта» и чем она отличается от чаяний людей в других странах. А также о том, что значит она для каждого американца и какой ее видят американские интеллектуалы-идеалисты.
- Глава 12. «Град на Холме», или Великая миссия 128**
О видении первых американских колонистов своей исключительной миссии и о том, как вошло их видение в массовое сознание американцев постулатом о «Божественном предназначении Америки», который, в свою очередь, перерос в идею американской исключительности. А также о том, какую роль играет идея исключительности во внешней политике США и почему она конфликтует с геополитическими целями России.
- Глава 13. Сокровенная тайна американской улыбки . . 143**
О том, почему американцы всегда улыбаются и почему нас это раздражает, а также о том, что стоит за этой улыбкой. А кроме того, о том, почему американцы так ценят свое персональное

пространство и почему русский человек не особенно обращает на это внимание. И, наконец, о том, какое отношение имеет ко всему этому философия индивидуализма.

Глава 14. Большие мелочи быта 154

О русском негативе и американском рационализме, а также о том, чем отличаются подходы к решению поставленной задачи русского человека и американца.

Глава 15. Теория и практика большого стука 162

О том, что более всего раздражает русского человека в американцах и где проходит граница между стукачеством и гражданской ответственностью.

Глава 16. Если вы собрались в Америку... 169

О том, к чему следует быть готовым при первом знакомстве с Америкой. Чего следует опасаться и чего не стоит принимать на веру, а чем можно искренне восхищаться.

**Глава 17. О радиусе доверия
и пользе коллективных действий 181**

О том, как нам догонять Америку и почему короткий радиус доверия никогда не родит сильной экономики, но непременно ведет к размножению «шариковых» в масштабах, способных сильно омрачить нашу жизнь.

Глава 18. Большой американский пожар 193

О том, какие силы раздирают сегодня Соединенные Штаты, что вызвало их появление и к чему это может привести.

Глава 19. «Ультра» 203

Об экстремистах правых и левых, расистах и антифашистах, об их реальной силе и возможности влиять на повестку дня американского общества.

Глава 20. Фантомы расизма 215

О том, что делалось в США, чтобы преодолеть наследие рабовладения и сегрегации, как далеко продвинулась на этом пути страна и можно ли сегодня считать американское общество расистским.

Глава 21. Большая дружба народов 230

О том, что скрывали коммунистические мантры о нерушимой дружбе советских народов, о нашей вере в идеалы интернационализма, о национальной толерантности и нетерпимости.

Глава 22. Понаехали тут...	239
О том, почему ежегодно Америка продолжает принимать около миллиона иммигрантов со всех концов света, как уживаются такие разные люди и не поглотит ли это иммиграционное цунами американскую культуру. А также о том, что меняется в этой области с приходом Трампа. И, наконец, о том, есть ли что-то полезное в американском опыте для нашей жизни.	
Глава 23. Человек с ружьем.	256
О том, почему свободная продажа оружия в России причинит неисчислимое количество бед, а также о причинах пристрастия к оружию американцев. Почему при всех издержках им иметь оружие в каждом доме можно, а нам никак.	
Глава 24. Это вечное слово «КОРРУПЦИЯ»	266
Как боролись с коррупцией в Америке. Опыт штата Луизиана, который может оказаться не лишним для всей России.	
Глава 25. На чем споткнулся феминизм	281
О том, куда забрело женское движение в США и почему идеи равноправия полов с таким трудом приживаются в России.	
Глава 26. Филантропы и филантропия	294
О благотворительности в России и США, о мотивах и закономерностях развития благотворительности, о том, какое будущее в этом смысле ждет нашу страну.	
Заключение. Большие камни преткновений, или Тревожный туман будущего	309

От автора

Как-то так получается, что в мировых вопросах, да и в делах попроще, мы с Америкой чуть ли не постоянно оказываемся по разную сторону. Даже в короткое десятилетие потепления, даже тогда между нашими странами все равно оставалось что-то недосказанное, что-то недопонятое. Было желание сойтись ближе, были попытки разобраться друг в друге, но это так и осталось больше похожим на аванс, надеждой на будущее понимание. Самого понимания не случилось, что позднее переросло во взаимное раздражение, а еще позже — в открытую вражду. Но и в состоянии вражды были попытки разговаривать друг с другом, правда, из этого тоже мало что получалось. Почему так происходит? Что мешает нам понимать друг друга? В чем кроется корень наших несогласий?

Работая над рукописью, я пытался найти ответы на эти вопросы. Должен сразу оговориться, поскольку эта книга предназначена русскому читателю, который и без меня хорошо знаком со многим из того, что происходило и происходит у нас в стране, бóльший акцент в моем рассказе приходится на Америку и американцев. Впрочем, и о России тоже сказано немало, главным образом о том, что сделало нас такими, какие мы есть, каковы истоки русской природы и как это связано с некоторыми событиями и образом нашей жизни.

Совершенно очевидно, чтобы выполнить задачу, которую я перед собой поставил, мой личный опыт жизни в Америке, а тем более мои весьма скромные познания в области социологии, экономики, истории, антропологии, этнической и социальной психологии явно недостаточны. Но, к счастью, в каждой из этих областей есть замечательные специалисты, на чьи работы я и опирался. За что им сердечно благодарен. Хочу надеяться, что мою благодарность разделят и читатели, а ученые мужи не будут судить меня строго за неизбежные упрощения в пересказе некоторых экспертных суждений. Без этого рассчитывать на внимание широкого круга читателей (а мне бы хотелось именно этого) не приходится.

Отдельно хочу поблагодарить моего друга филолога Сергея Чаковского за замечания и рекомендации, которые помогли мне в работе над этой книгой.

Подозреваю, что наша политически наэлектризованная, разбежавшаяся по идеологическим углам публика встретит эту книгу, мягко говоря, неоднозначно. Надо думать, критика будет раздаваться со всех флангов.

Желая избежать ложных толкований, попытаюсь тут же, что называется «на берегу», разъяснить свою позицию. Россия для меня — страна, где я родился и прожил бóльший отрезок своей жизни. Мне прекрасно известно обо всем достойном и ценном, чем богата моя страна, но также я не могу не видеть и ее проблем, слабостей. И если я пишу о них, то исключительно с болью и надеждой на их преодоление.

Но и Америка для меня страна совсем не чужая. Там я провел 12 лет своей «телевизионной» жизни, стараясь лучше узнать, понять ее народ и рассказать о нем своим зрителям. За эти годы я понял, насколько же искажено наше представление о Соединенных Штатах: мы поразительным образом представляем эту страну одновременно значительно хуже и значительно лучше, чем она есть на самом деле.

Другими словами, в работе над книгой я не ставил перед собой никаких политических или идеологических целей. В мои задачи не входили ни восхваление, ни порицание русских или американцев, России или Америки. В силу своего разумения я лишь честно стремился разобраться в национальных особенностях каждой из этих стран, понять, какие инстинкты и психологические установки движут людьми. Старался осмыслить, что определило особенности политических систем и общественной жизни наших стран.

Для меня давно не секрет, что самый большой грех в России — оставаться нейтральным в пылу споров. Российский менталитет не терпит «центризма» — кто не с нами, тот против нас, потому что истина для нас абсолютна. Но моя профессия диктует совсем другие правила: не поддаваться соблазну присоединиться к одной из сторон, а, подобно людям науки, стремиться следовать фактам. Это в идеале. Не стану отрицать, что в реальной жизни это удастся лишь отчасти — опыт прожитых лет, давление окружающей среды и многие другие обстоятельства в какой-то мере неизбежно искажают картину восприятия. Однако, работая над книгой, в меру своих сил я стремился следовать профессиональным канонам и очень хочу надеяться, что читатель простит мой грех стремления к объективности.

Вступление

Беда непонимания

Мне не нравится этот человек. Я должен лучше узнать его.

АВРААМ ЛИНКОЛЬН

Наши отношения с Америкой ходят по замкнутому кругу. Мы мало знаем друг о друге и оттого многого не понимаем. Мы многого не понимаем, потому что мало друг о друге знаем. Вроде бы говорим об одном и том же, но часто имеем в виду совершенно разное. А все не очень понятное, малоизвестное тревожит и вызывает опасения. Полвека холодной войны, вынесенные с тех времен представления не добавляют позитива в наши отношения, главной чертой которых стало системное взаимное недоверие, а если вы не доверяете, то неизбежно видите злой умысел там, где его, возможно, и нет. В результате толком ни о чем договориться не получается. Такое ощущение, что мы не просто говорим на разных языках, а что наши головы устроены по-разному.

Если начать разбираться, предположение о разном устройстве голов окажется не таким уж и безумным. Выяснится, например, что у нас с американцами не только совершенно непохожий образ мыслей, но и сам способ мышления. Это неудивительно: исторически судьбы наших народов почти

не пересекались, социальные культуры наших стран складывались в совершенно разных условиях из очень непохожих деталей и материалов и, как следствие, наше мышление отражает разные ценности. Собственно, из этих различий и выросла между нами стена непонимания. Если бы США и Россия были «обычной» парой стран, как, скажем, Бельгия и Чили, то, может, и Бог с ним, — не понимаем мы друг друга, и ладно. Но наши страны особые — с амбициями на лидерство, с претензией на особую миссию, к тому же с самыми большими ядерными арсеналами. Тут уж наша «разделительная» стена из феномена культурного становится вопросом национальной, даже мировой безопасности, и с этим надо что-то делать. Другими словами, необходимо разорвать порочный круг взаимного непонимания.

Но что означает «не понимать» друг друга? Это означает неверно оценивать действия другой стороны, что, в свою очередь, ведет к принятию ошибочных ответных мер. Мы видим это и в отношениях между государствами, и в обычной жизни, и в бизнесе. Например, в интервью порталу «Лента.ру» американский социолог Джон Смит, хорошо знакомый с Россией, делится забавным наблюдением о наших культурных различиях:

Даже «да» и «нет» для нас означают разное. Для среднего американца «нет» — значит нет. У русских это может означать и «нет», и «может быть», а иногда и «да». Это, кстати, культурный шок для американских молодых людей, ухаживающих за русскими девушками. Сколько «нет» может принять парень от американской девушки? Максимум пару, и история окончена. Нет — так нет. Здесь же я наблюдал множество историй, когда после нескольких «нет» девушки очень удивлялись, когда молодой человек прекращал попытки сблизиться — для нее «нет» были просто частью игры, вариантом нормы.

Неверная интерпретация намерений, ошибки в определении мотиваций. Кстати, именно из-за несовпадения культур, несовпадения ментальности межнациональные браки редко складываются удачно. То же самое случилось на моей памяти и в деловом мире, когда наши еще не оперившиеся бизнесмены только-только начинали выходить на внешний рынок. Сделки часто разваливались именно из-за различий в культуре бизнеса. Тот факт, например, что российские партнеры не ответили на какое-то деловое письмо, американцы интерпретировали как отсутствие заинтересованности в сделке. А на самом деле причина молчания была лишь в нашей манере не «возвращать» звонки и не спешить отвечать на письма, в то время как в Америке принято отвечать всегда, даже если полученное предложение никак вас не заинтересовало. С тех пор прошло много лет, скорее всего, эти ляпы остались в прошлом. Тем временем ситуаций, когда русским и американцам приходится работать в одном коллективе, заметно прибавилось. И вот тут редко обходится без сложностей, недопониманию и обидам несть числа. Например, наши люди обычно проявляют изначальное недоверие к начальству, пока оно не докажет свою компетентность. Американцы же, напротив, готовы следовать действующей организационной структуре и будут исполнять приказы и распоряжения до тех пор, пока уровень начальственной некомпетентности не превысит определенного предела. И это не просто разные поведенческие культуры, здесь мы имеем дело с различиями ценностными, они впечатаны в наши матрицы восприятия мира и проявляются в самых разных ситуациях.

В советское время, например, когда американцы постоянно поднимали на переговорах с СССР вопрос о правах человека, наши люди в массе своей, как и руководители нашей страны, считали это откровенным лицемерием, политической игрой с целью оказать на нас давление. Но если за этим и скрывались политические цели, обеспокоенность американцев правами человека не была лицемерием. Сами мы не считаем гражданские права и личные свободы наивысшей ценностью,

поэтому нам всегда было трудно поверить в то, что кто-то может быть озабочен этим всерьез. Мы не могли поверить, что «лишь только» из-за того, что евреям не разрешали покидать Советский Союз, Конгресс США ввел ограничения на торговлю с нашей страной приснопамятную поправку Джексона–Вэника. Другое дело, что эту поправку не отменяли на протяжении 40 лет, когда сама причина ее появления уже давно канула в Лету, а все до единого еврея, желавшие покинуть Россию, благополучно осели по другую сторону границы. Но это — отдельная история.

Точно так же мы не можем поверить, что главной причиной, по которой США увязли в Ираке (не вторглись в Ирак, а именно увязли после вторжения), был их мессианский запал принести в эту страну демократию. Объявленной причиной вторжения, помнится, было обвинение режима Саддама Хусейна в наличии оружия массового поражения (ОМП), а также подозрение в содержании баз подготовки террористов. Ни баз террористов, ни даже следов ОМП, как известно, найдено не было, зато по ходу дела американцы снесли кровавого диктатора Саддама Хусейна. Казалось бы, задача выполнена, даже перевыполнена — возвращайтесь, ребята, домой. Так нет же, американцы в Ираке остались, ввязавшись в гражданскую, а точнее, религиозную войну. Они надеялись установить там демократическое правление, избавить народ от вековой деспотии. Задача была, конечно, благородная, хотя и не совсем бескорыстная в том смысле, что в результате победы демократии американцы рассчитывали, как на дополнительный бонус, получить еще одну дружественную им страну.

Пусть и так, но идеология «божественного предназначения» Соединенных Штатов нести миру свет свободы и демократии играла далеко не последнюю роль в принимаемых тогда администрацией президента Буша решениях. Тут, правда, одиозная уверенность Америки в своей безусловной правоте потерпела сокрушительное фиаско. Не понимая особенностей Ближнего Востока, они не учли отличий в ментальности тех,

кого хотели облагодетельствовать. Иракцы попросту не были готовы к демократии, для них она выглядела насильственным хаосом. Эти просчеты, по разным источникам, стоили жизни нескольким тысячам американцев и сотням тысяч иракцев. Но словно и этого мало, нарушив тонкий баланс сил, вмешательство США превратило жизнь не только Ирака, а всего региона в бесконечный кошмар, породивший ИГИЛ (террористическая организация, запрещена на территории Российской Федерации), а с ним новые жертвы, новые разрушения и миллионы беженцев.

Надо признать, что понимание других культур, ментальности других народов никогда не отличало политический класс США. Как, собственно, этим не славились и наши политики. Однако и те и другие всегда были горазды в своих мессианских порывах и геополитических амбициях. Другое дело, что сегодня у американцев, а тем более у объединенного Запада, «пороха» (в смысле экономической мощи и рычагов влияния) больше, хотя в лучшие советские годы в этом отношении между нами существовал относительный паритет.

Сегодня наши отношения с Америкой в очередной раз находятся в острейшей фазе кризиса. Но едва ли нам удастся выйти из нее, если мы так и будем продолжать мерить другую сторону исключительно собственными мерками, если не научимся видеть себя глазами оппонента.

У американских индейцев есть поговорка: «Прежде чем судить человека, надо пройти мило в его мокасынах». В отношениях между русскими и американцами это означает необходимость осознать, в чем и почему мы разные, необходимо разобраться в наших культурных кодах. Или, говоря проще, лучше узнать друг друга. Узнать — для разумных людей — означает понять. Другого способа наведения мостов между людьми и странами я не знаю. Собственно, этому и посвящена эта книга. Но прежде, чем мы начнем «наводить мосты», попробуем разобраться, какое место в русском сознании занимает страна Америка.

Глава 1

Америка в загадочном русском сознании

Еще совсем недавно, как раз до Трампа, мы коллективно не любили Америку. Мы смеялись над ней, плевали ей вслед, грозили и посылали проклятия. С победой Трампа мы вступили в полосу когнитивного диссонанса. С одной стороны, наша надежда, почти что готовый с нами дружить Дональд Трамп, с другой — мы же точно знаем, что враждебная, не любящая нас Америка, ну пусть не вся Америка, а ее политический класс, никуда не девалась.

Какая бы Америка ни была, она — необходимая часть нашего сознания, ориентир на местности, как Кремль в Москве, как Эйфелева башня в Париже. А вот представим себе на секунду: если бы эта Америка взяла и вдруг исчезла. Исчезла насовсем, была — и нет ее, испарилась. Как мы бы тогда?

Тогда, я думаю, в душах наших людей воцарились бы мрак и пустота. Но не скорбная пустота горькой утраты, а зияющая брешь в сознании. Вместе с Америкой исчезнет мозговая доля, отвечающая за равновесие и ориентацию в пространстве. Это как если верящим в то, что мир держится на трех китах, объявить, что пара китов трагически погибла.

В нашем массовом сознании эта страна занимает особое место, являя собой абсолютное Зло и абсолютный Идеал, причем нередко и то и другое одновременно.

Нам необходима Америка, потому что вот уже как лет 70 мы подсажены на нее, как на наркотик. Мы придали ей статус референтности, статус стандарта даже в тех случаях, когда кроем Америку на чем свет стоит. Смешно сказать, у самых горячих ее оппонентов вроде Зюганова, Жириновского или видных единокороссов то и дело вылетает фраза «...в той же Америке». Так они пытаются подтвердить свою мысль, словно ставя на ней знак качества.

Первыми чувство невосполнимой утраты наверняка испытывают те, кто сегодня называет американцев «пиндосами». Причем произойдет это сразу после победного крика «Ура! Наконец-то свершилось!». Крик уйдет в пустоту, потому что уже будет не на кого больше валить причины своих жизненных фрустраций: Америки уже нет, а низкая зарплата, отсутствие перспектив, муж-алкоголик, «однушка» на пять человек в пятиэтажке — все это осталось и пялится на тебя неотомщенным оскалом.

И уж, конечно, большое горе постигнет ту часть населения, которая компенсировала все те же фрустрации мечтой об Эдемском саде, чертами которого наделила Америку. С ее потерей исчезает эталон, с высоты которого можно было клясть власть за отсутствие демократии и общее разложение страны. Останется, конечно, Европа. Но как же она мелка и незначительна в сравнении с Великой Америкой!

Но самый невосполнимый урон, тут уж и спорить нечего, понесет сама власть. Десятилетиями трудом тысяч и тысяч специалистов создавался образ врага, который исправно помогал в минуты нужды и самых больших провалов. Он сплывал людей и ясно давал понять, кто виноват в их плохой жизни, да и просто отвлекал народ от мыслей об этой жизни. Его именем велась борьба с инакомыслием. И вот ничего этого нет. Сегодня мы вроде бы пока еще надеемся как-то улучшить отношения, но ведь завтра неровен час этот образ снова может понадобиться. Останется, конечно, все та же Европа, но ведь опять-таки мелковата для такого большого дела. В общем, беда!

Как же могло случиться, что большая часть населения огромной, образованной страны подпала под магию другого государства? Как случилось, что Америка заняла в нашем сознании болезненно гипертрофированное пространство?

Эта история начиналась с дружбы (насколько к политике применимо это чувство). В разгар войны восставших колоний против Британской короны Екатерина II не только отказала английскому королю в военной помощи, но и отправила к берегам Нового Света эскадру, чтобы вместе с кораблями Швеции и Дании сорвать устроенную англичанами блокаду коммерческих судов, направлявшихся в порты мятежных колоний. То была значимая помощь американцам в их борьбе. Похоже, что, вопреки монаршей солидарности, Екатерина II испытывала симпатию к восставшим американским колонистам (и очевидную антипатию к вечному российскому антагонисту — Англии). Ее отношение к США проявлялось и в большой политике, и в делах не столь масштабных. Характерная деталь: в 1789 году Российская академия наук избрала своим членом первого американца — Бенджамина Франклина, ученого и выдающегося государственного деятеля, одного из «отцов-основателей». Рекомендовала Франклина Екатерина II.

Но и американцы не оставались в долгу. Специалисты из США сыграли важную роль в сооружении железной дороги из Петербурга в Москву, в проведении первых линий телеграфа, перевооружении российской армии. Во время Крымской войны Соединенные Штаты были единственной крупной державой, поддержавшей Россию. Американские врачи-добровольцы работали на полях сражений, спасая жизни русским солдатам¹.

Не прошло и десяти лет, как Россия оказалась единственной мировой державой, поддержавшей федеральное правительство во главе с Линкольном, то есть северян в Гражданской войне против сепаратистов южных штатов. Примечателен

¹ <http://museum.rsmu.ru/5717.html>

ответ министра иностранных дел князя Александра Горчакова на просьбу Линкольна о помощи:

Ваша страна еще только появилась на свет, когда русские стояли у вашего изголовья, как ангелы-хранители, во время первого президента Вашингтона. Нам не нужны Северные или Южные штаты — нас устроят только Соединенные Штаты Америки.

Тогда же с целью воспрепятствовать возможному вмешательству англичан на стороне мятежного Юга в Сан-Франциско и Нью-Йорк прибыли две русские эскадры. Глядя на то, что происходит в наших отношениях сегодня, трудно поверить, что когда-то мы были союзниками, что американцы в честь русских моряков устраивали парады. Что Марк Твен в своем приветственном обращении к российскому императору писал такие слова:

Америка многим обязана России, она состоит должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу в годину ее испытаний. С упованием молим Бога, чтобы эта дружба продолжалась и на будущие времена.

Увы, Бог не услышал эти молитвы. Первые трения между нашими странами были вызваны усилившимися гонениями на евреев в России при Александре III, а затем и Николае II. Америка вступилась за гонимых. За этим последовали экономические санкции и контрсанкции, ну и, как водится, Россия в этой истории пострадала куда больше Америки, к тому времени уже хорошо развитой страны. Евреям же в России пришлось ту же прежнего. Эта история наложила на соперничество наших стран в Маньчжурии и Корее, тогда американцы сорвали российские планы образования новой губернии — Желтороссии. И предсказуемо выступили в русско-японской войне на стороне Японии.

Но все равно перекочевавший из Старого Света в Россию еще во времена Пушкина, а может, и еще ранее романтизированный образ Америки как страны, где сбываются самые большие надежды, как прибежища гонимым и обездоленным, продолжал жить. В конце XIX — начале XX века Америка и в самом деле стала островом спасения для многих жителей Российской империи. Там завершили свой исход из России более 1,5 миллиона спасавшихся от погромов евреев, а с ними еще немалое число преследуемых властями религиозных сектантов. Там же нашли убежище и русские политэмигранты-социалисты.

Параллельно положительному образу Америки жило также и представление о ней как о стране больших технических достижений, лидере прогресса. В 1930-е годы, в период советской индустриализации, именно из США к нам поступали большие объемы производственного оборудования, вплоть до целых заводов. Созданию этого же образа поспособствовали и советские писатели, восхищенные ее техническим прогрессом. В их числе Маяковский и, конечно же, Ильф и Петров. Впрочем, они же в духе горьковского «Города Желтого дьявола» и порицали Америку за бездуховность, механистичность, меркантильность, консюмеризм. Правда, у Горького к этой стране был еще и личный счет.

В 1906 году вместе со своей гражданской женой Марией Андреевой писатель приезжает в Соединенные Штаты по приглашению американских социалистов. Неофициально целью его поездки был сбор средств в помощь русским революционерам. В Нью-Йорке американцы устраивают Горькому шумный прием, отдавая должное всемирно известному писателю. Первые отзывы Алексея Максимовича о Соединенных Штатах были преисполнены благожелательности. Вполне возможно, его дальнейшие суждения об этой стране не были бы столь суровы, если бы вскоре после приезда писателя в прессу не просочилась информация о том, что Андреева, которую Горький выдает за жену, вовсе ему не жена, а любовница. В то

время как его настоящая жена, то есть не разведенная с ним женщина, пребывает на родине. Скорее всего, компромат на писателя газетчикам подкинуло российское посольство, заявлявшее ранее о своем крайнем неодобрении этого визита.

Удар достиг цели — правила приличия, принятые тогда в Америке, не допускали столь откровенного вызова общественной морали. Сейчас даже трудно сказать, что возмущало общество больше: сам факт совместной жизни писателя с любовницей или нарочитая открытость, публичность этой связи. Вероятно, всего было достаточно — общественное мнение в вопросах морали обычно практикует изрядную долю лицемерия. Как бы то ни было, общественность негодовала. Писателя ругала, если не сказать травила, пресса, знаменитую пару выселяли из отелей, случалось, что даже отказывались обслуживать в ресторанах. От Горького стали отворачиваться люди, некогда горячо его привечавшие. Среди них был и Марк Твен. Теплота в их отношениях уступила гневу и презрению. «Он швыряет свою шляпу в лицо общественности, — писал Твен о Горьком, — а потом протягивает ее за подающим».

Но и Горький не остался в долгу. Он пишет один за другим издевательские очерки об американцах, которые позднее вошли в сборник «Город Желтого дьявола». Живописует пороки заокеанской жизни, нередко сгущая краски до невероятной плотности ее неприятия, но затем, словно делая шаг назад, Горький, как и все побывавшие в Штатах советские писатели, не может удержаться от того, чтобы не отметить предприимчивость, деловую хватку, работоспособность и практичность американцев. А это — уже почти похвала. В письмах к своему другу Александру Амфитеатрову он пишет:

Америка — это страна, в которой хочется иметь четыре головы и 32 руки, чтобы работать, работать, работать! Чувствуешь себя бомбой, которая постоянно разрывается, но так, что содержимое вылетает, а оболочка остается. Ей-богу — это чудесная страна для человека, который

может и хочет работать... Ах, интересная страна! Что они, черти, делают, как они работают, сколько в них энергии, невежества, самодовольства, варварства! Я восхищаюсь и ругаюсь, мне и тошно и весело, и — черт знает, как забавно!

В первые два десятилетия советская пропаганда тоже не особо пинала Америку. Тогда мы много чего у нее покупали, а американские специалисты так просто сотнями приезжали в СССР, помогая строить советскую индустрию. Во Второй мировой войне мы и вовсе были союзниками.

Но не успела отгреть радость общей победы, как победители, рыча и огрызаясь, стали делить свой главный трофей — Европу. Каждый тащил в свою сторону. Тащил с такой силой и остервенением, что очень скоро недавние союзники стали врагами. И тут же, быстро набирая скорость, круша устоявшиеся представления, заработала госпропаганда. По сути, госпропаганда совершила насилие над массовым сознанием. Но и само сознание, надо сказать, оказалось на удивление податливым. Не прошло и пяти-семи лет, как советские люди уже точно знали, что их главный враг — Соединенные Штаты. Примерно тем же самым в те годы, известные как период маккартизма, жила и Америка. Обе страны, каждая по своим причинам, весьма успешно создавали образ врага, «подливая керосин» в разгоравшуюся вражду конкретными недружественными шагами.

У наших людей не было сомнений в превосходстве социализма над «бездуховным обществом чистогана», «мировым жандармом, цель которого — поработить мир и уничтожить Советский Союз». И только предательский призыв Хрущева «Догнать и перегнать Америку» немного портил эту цельную картину мира. Он подсказывал, что Америка — все-таки лидер в производстве, технологиях и уровне жизни. А это рождало ощущение некоторой ущербности по отношению к США. Но, как известно, комплекс неполноценности неизбежно

включает защитные, компенсаторные механизмы. «Зато мы делаем ракеты, перекрываем Енисей и даже в области балета мы впереди планеты всей», — пелось в популярной тогда песенке. Поскольку все наши достижения на протяжении всех советских лет сравнивались с американскими (в чем-то мы их опережали, в чем-то догоняли, а в чем-то еще отставали, но вскоре непременно должны были догнать), США парадоксальным образом стали для нас чем-то вроде эталона, по которому мы «сверяли» собственное положение в этом мире.

Как сейчас, так и тогда не было дня, чтобы в газетах, журналах, на телевидении так или иначе не упоминались Соединенные Штаты. Неизбежно эта страна становилась важной частью нашего сознания, занимая в нем несуразно большое пространство.

А что же стало с положительным образом Америки, которым жила Россия на протяжении предыдущих 100 лет? Неужели исчез, стерся из памяти? Оказалось, что нет, не исчез, а просто отошел в сознании на задний план. Но когда позволяли обстоятельства, снова прорывался на первое место — будь то первая американская выставка в Сокольниках, проходившая более полувека назад, когда буквально толпы ломились посмотреть на это чудо, или столь же ошеломительные гастроли американских артистов. Так в нашем массовом сознании сосуществовали два взаимоисключающих отношения к Америке.

Но массовое сознание сродни средней температуре по больнице. Конечно же, в стране было немало людей, видевших США исключительно в «черном цвете». Америку они ненавидели убежденно. На другом полюсе, кляня советскую пропаганду, были те, кто Америку боготворил и наделял ее всеми мыслимыми достоинствами. Были и третьи — и таких, видимо, было большинство — в них благополучно уживались оба этих чувства. Но всех их объединяло огромное любопытство, интерес к этой стране. Находясь за «железным занавесом», люди ничего не знали о ней и строили свои представления

исключительно на мифах, которым искали подтверждение. Когда в 1979 году я вернулся из своей первой поездки в Штаты, друзья и знакомые просто пухли от вопросов: «А как там то? А как там это? А правда ли, что?..» Все советские годы Америка оставалась для наших людей страной-загадкой, страной-мифом.

Когда же все советское, можно сказать, в одночасье рухнуло, мы как-то сразу, не переключая скорости, стали коллективно Америку любить. Ее положительный образ, запрятанный в подсознании, вышел на первый план и прочно занял там свое место. Ну хорошо, не все, оставались и те, кто однозначно привык Америку ненавидеть. Они тяжело переживали поражение в холодной войне, потеря статуса сверхдержавы постоянно жгла их сердца. Униженные и оскорбленные, они лишь укрепились в своем неприятии «Врага № 1». Но знаете, сколько их, вот таких упертых, было в ноябре 1991 года? Не поверите — всего 6%! Против 80%, которые тогда относились к США «очень хорошо» и «в основном хорошо».

Но речь не о них, а о десятках миллионов других россиян, в которых всегда жило двойственное отношение к Соединенным Штатам. А вот они-то, вечно колеблющиеся, отбросив наконец сомнения, всем сердцем возлюбили заокеанскую державу. Тогда казалось, что навсегда. Примерно так же, как еще совсем недавно, скинув Януковича, возлюбила Америку Украина.

Мы носились со Штатами как с первой школьной любовью. Мы свято верили в то, что уж теперь, став наконец такими «обновленными, постсоветскими, демократичными», мы можем рассчитывать на взаимность. Под взаимностью, правда, мы понимали не только встречную любовь, но и, как правило, материальную помощь в объеме достаточном, чтобы вытащить нас из-под обломков советской власти и поставить на стальные рельсы капитализма. Мы томно открывали объятия, посылали воздушные поцелуи и пели проникновенные серенады, но — вот облом! — Америка отвечала вежливым равнодушием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru